

открывает новую сферу нашего опыта; несомненно, что этот опыт бытиен и в нем заключена новая ориентация нашего существования в мире — как гражданском, так и вселенском.

И. В. Цветкова
г. Тольятти

ФУНКЦИИ КАТЕГОРИЙ В МЕТАФИЗИКЕ И. КАНТА И М. ХАЙДЕГГЕРА

С позиции классической рациональности функции категорий сводятся к формированию научных знаний о предмете, при этом остается открытым вопрос относительно роли категорий в познавательной деятельности в целом. В XX веке философы предпринимали неоднократные попытки поиска альтернатив категориальному способу познания. Это было связано с преодолением классических схем рациональности, основанных на логике противопоставления субъекта и объекта, в рамках которых категории рассматриваются в качестве схем, порожденных рассудком. Данная тенденция нашла наиболее яркое выражение в философии жизни, экзистенциализме, феноменологии и т. д. Представители этих направлений выступали с критикой рассудочных форм познания, в том числе и функций категорий, выявленных Кантом, стремясь к предельному сближению философского, повседневного и поэтического языков. Аналитика категорий выступает базисом построения онтологических концепций, основанных на принципах целостного познания.

Идея фундаментальной онтологии М. Хайдеггера возникает в процессе размышлений над «Критикой чистого разума» Канта. В предисловии к книге, написанном в 1950 году, Хайдеггер признает, в известной мере справедливость упреков относительно «насиловственности истолкования» текстов Канта и в то же время оправдывает их особенностью применяемого метода. Хайдеггер противопоставляет «открытие пространства мыслящего диалога» традиционным нормам историко-философского и историко-филологического исследования, и отмечает, что его способ интерпретации имеет с точки зрения научных критериев множество упущений и ошибок¹. Однако по отношению к задаче построения онтологической концепции этот способ интерпретации имеет важное преимущество, поскольку позволяет выявить целостный смысл текста Канта, избегая терминологических трудностей.

Принципиальным замыслом Хайдеггера в интерпретации «Кри-

тики чистого разума» было стремление выделить ключевое содержание этой работы через попытку предъявления того, что Кант «хотел сказать». Отмечая эту особенность интерпретации, Хайдеггер указывает на способ истолкования самим Кантом Лейбница и древних философов. Необходимость «насильственного» истолкования философских текстов объясняется, по мнению этих философов, несопадением того, что «говорят слова», с тем «что они хотят сказать». «Однако это насилие не может быть стихийным произволом. Питать и вести истолкование должна сила предосвещающей идеи. Лишь питаясь этой силой, интерпретация может осмелиться на всегда рискованную открытость, доверение себя сокрытой внутренней страсти произведения, чтобы через нее быть вовлеченной в несказанное и принужденной к его сказыванию. И это — тот путь, на котором сила просвещения самой ведущей идеи становится вполне явной», — отмечает М. Хайдеггер².

В соответствии с древней философской традицией категории определяются Хайдеггером как такие рассудочные формы о сущем, в которых предметно представлен состав сущего, но вместе с тем всегда уже упущен вопрос об истине его бытия. В этом определении категорий содержится результат рефлексии по поводу исторического становления философии, начиная с античности и заканчивая современностью. Философия Нового времени рассматривала представление, репрезентацию как главные черты мышления. «То, что мышление до сих пор основывается на представлении, а представление — на репрезентации, все это имеет давнее происхождение. Оно скрывается в невзрачном событии: в начале истории западной Европы бытие сущего явилось для всего ее течения как наличность, как присутствие», — отмечает М. Хайдеггер³. Философ имеет в виду парменидовское утверждение, что бытие есть, а небытия нет, в котором скрыта вся тайна европейской науки и западноевропейской истории. Античная философия еще сохраняет неразрывную связь бытия и мышления, ибо бытие не может явиться иначе, как в мысли, но в философии Нового времени этой связи уже нет. М. Хайдеггер стремится возродить онтологическую парадигму, связав снова бытие и мышление, но для этого предлагает пойти другим путем. Мышление не является оперированием понятиями или представлениями, мышление есть особое состояние самого бытия человека, такое состояние, когда он реализует, обнаруживает (проживает, показывает, испытывает и т. д.) свою сущность.

Проясняя изначальный греческий смысл слова «категория», М. Хайдеггер пишет, что он был связан с практикой публичного

собрания людей, в отличие от закрытого. Следовательно, «категория» означала, что «открытие, обнаружение совершается через слово, поскольку это последнее *ославляет* некоторую вещь — вообще нечто сущее в том, что она (оно) есть, именуя ее как такую-то и так-то существующую».

В греческой философии категории обозначали принадлежность к виду какой-либо вещи, а также собственное имя, взятое в широком смысле. Аристотель впервые ввел философский статус категорий, которые стали означать философское имя, «именующее собою то, что в философии по самому ее существу надлежит в ее мысли осмыслить»⁴. Таким образом, категории фиксируют особенность языка философии, которая проявляется в возможности указания на предмет мышления. Сущность метафизических рассуждений составляет то, о чем умалчивает обыденная речь, но, что зафиксировано в категориях как основополагающих философских понятиях.

Хайдеггер определяет «катеґорию» как встраиваемую в слово мысли истину «о сущем как таковом в целом... Соответственно категории суть основные слова метафизики и *потому* имена для основополагающих философских понятий»⁵. Именно категории, согласно Хайдеггеру, определяют способ понимания, который в контексте европейского рационализма оформляется в виде «высказывания» или «суждения». При аналитике категорий Хайдеггер обращается к творчеству Канта, поскольку именно Кант предпринял попытку обоснования того, что логические функции категорий непосредственно вытекают из познавательных возможностей рассудка.

Рассматривая значение категорий в познавательном процессе, И. Кант следует метафизической традиции, согласно которой «категории возникают исключительно в рассудке, *независимо от чувственности*», они играют решающую роль в дедукции чистых понятий рассудка. Кант сосредоточивается изучении единства, которое возникает в наглядном представлении при помощи категорий благодаря рассудку и отвлекается от того, каким образом многообразие дается для наглядного представления⁶.

Кант выделил четыре группы категорий: количества (единство, множественность, целокупность); качества (реальность, отрицание, ограничение); отношения (акциденция и субстанция, причина и действие, взаимодействие); модальности (возможность, невозможность, существование, несуществование, необходимость — случайность). Трансцендентальная дедукция категорий была призвана, по сути дела, показать конструирование доступных познанию объек-

тов как результат применения категорий к созерцанию. Это выступало основанием для нахождения в понятийно-категориальном мышлении первоисточника всевозможных видов связей⁷. Таким образом, у Канта логика получает преимущество перед эстетикой.

Хайдеггер ставит под сомнение понимание категорий в качестве *высказываний о бытии сущего*, поскольку в концепции Канта категории не являются ни проблемой трансцендентальной эстетики, ни трансцендентальной логики. Философ считает основной проблемой «выяснения внутренней возможности сущностного единства онтологического познания»⁸. Категория — это не только высказывание, или элемент чистого познания, в ней должно находиться *знание о бытии сущего*; познание бытия является единством чистого созерцания и чистого мышления; принципиальным в сущности категорий будет чистая созерцательность ноции⁹.

Основанием для построения онтологической концепции Хайдеггера является то, что Кант не обосновывает замкнутость категорий исключительно в сфере рассудка, при этом вызывает сомнение формально-логическое выведение категорий из таблицы суждений, которую Кант иногда называет «трансцендентальной таблицей». Это дает повод трактовать функции категорий в познании более широко. Хайдеггер придерживается мнения, что категории вообще не выводятся из таблицы суждений, они вообще не выводимы из нее¹⁰.

Категории, с точки зрения Канта, это предельные основания мышления, характеризующие особенности рассудка при формировании суждений. Функция категорий состоит в создании правил для рассудка, т. е. в акте приведения к единству апперцепции многообразия. Согласно Канту, рассудок сам по себе ничего не *познает*, но только связывает и упорядочивает материал для познания, именно наглядное представление, которое должно быть дано ему посредством объекта¹¹.

Для Канта разграничение познания и мышления является принципиальным. Для познания необходимо иметь, во-первых, понятие, посредством которого мыслится предмет вообще (категория) и, во-вторых, наглядное представление, посредством которого предмет предстает как таковой. При этом Кант подчеркивает предметную направленность понятий, необходимую для формирования знаний. Таким образом, в философии Канта категории выступают условиями знаний о предмете. Категории с помощью наглядного представления доставляют знание о вещах, поскольку возможно применение их к эмпирическому, наглядному представлению, т. е. служат только для возможности эмпирического знания, которое называется опы-

том. Категории позволяют рассматривать вещи как предметы возможного опыта, в этом состоит их главное предназначение¹². При помощи категорий очерчиваются границы применения чистых понятий рассудка в отношении к предметам. С другой стороны категории приобретают смысл и значение только по отношению к чувственным и эмпирически наглядным представлениям¹³.

Хайдеггер, анализируя попытку Канта провести четкие границы между функциями чувственности и рассудка, обращает внимание на следующий парадокс: «Чем радикальнее попытка изолировать чистые элементы конечного познания, тем глубже невозможность подобного изолирования и явственнее — отнесенность чистого мышления к созерцанию»¹⁴. Интерпретируя текст Канта, Хайдеггер последовательно анализирует проблему сущностного единства чистого познания. В качестве его основных элементов он выделяет время как чистое созерцание и ноции как мыслимое в чистом мышлении. Принципиальным для Хайдеггера является вопрос о возможности синтеза данных элементов, обеспечивающих целостность познания.

Этот синтез не есть дело ни созерцания, ни мышления. Он, как бы, «опосредующим» образом находясь между ними, состоит в родстве с обоими. Единство полной сущности чистого познания имеет три составляющие. Первое — многообразие чистого созерцания, второе — синтез этого многообразия через способность воображения (который не формирует знания); третье — понятия, сообщающие этому синтезу единство, основанное на рассудке. Данные виды синтеза связаны в сущностно-структурированном единстве конечного познания, веритативном синтезе созерцания и мышления. Тожественность здесь означает: сущностная структурная взаимосвязанность¹⁵. Хайдеггер, основываясь на тексте Канта, подчеркивает, что синтез есть исключительно действие способности воображения.

Раздел «Критики чистого разума» о трансцендентальной дедукции категорий является очень трудным для понимания, поэтому Хайдеггер пытается выявить изначальную направленность самой проблематики в отношении к ведущей проблеме метафизики¹⁶. При аналитике функций категорий Хайдеггер основывается на следующих особенностях чистого познания, выявленных в результате интерпретации текстов Канта: 1) целостность познания, т. е. взаимная обусловленность чувственного и рационального; 2) конечность познания, что подчеркивает его сущностную зависимость от временности; 3) отсутствие способности производить сущее, т. е. содержательную зависимость от него. Данные атрибуты чисто-

го познания позволяют актуализировать проблему: что делает возможным способность восприятия сущего? В отличие от Канта, который сосредоточивает внимание на процессе конструирования объекта в процессе познания, решающая роль в котором принадлежит рассудку, Хайдеггер высказывает предположение: «...сущее может само выступать к нам, т. е. показывать себя как противостоящее. Если же мы не властны над наличным бытием сущего, то как раз определенность его восприятием требует того, чтобы сущему с самого начала *пред-стояния*».

Возможность предметности Хайдеггер видит в способности «*пред-оставления*» нечто, в котором может исполниться воспринимающее созерцание. При этом возможность *пред-стояния* не может быть сущим, оно есть ничто. В любом случае это «ничто» не есть только nihil absolutum¹⁷.

«*Пред-оставление* нечто», согласно Хайдеггеру, является «понятием» и, поскольку понятийное представление приписывается рассудку, первичным актом, *пра-деянием*, рассудка. Оно обозначает «сознание» как представление единства. Рассудок как целое изначально задает противостоящее случайному. Чистые понятия имеют своим содержанием «*правлящие единства*», они не только служат правилу, но, как чистые представления, впервые дают нечто «*правилосообразное*». На этом основании рассудок может характеризоваться как способность правил¹⁸.

Рассудок в интерпретации Хайдеггера «есть высшая способность — в конечности, есть конечное в высшей степени. И, следовательно, именно в «предоставлении» как *пред-деянии* чистого рассудка должна отчетливым образом высвечиваться его зависимость от созерцания. Конечно, это последнее должно быть не эмпирическим, но чистым созерцанием». Сущее становится доступным для конечного существа лишь на основании заранее себя обнаруживающего «*пред-ставления*». Оно заранее заключает все сущее, которое может встретиться в горизонте единства возможной взаимосвязанности. По мнению Хайдеггера, это обеспечивается благодаря тому, что само же встречающееся уже заранее является охваченным горизонтом времени, что удерживается в чистом созерцании. Хайдеггер приводит два доказательства того, что чистое созерцание и чистый рассудок зависят друг от друга. Это a priori единое целого чистого созерцания и чистого рассудка «образует пространство раскрытия «*пред-оставления*» внутри которого можно встретить любое сущее¹⁹.

В «Критике чистого разума» Кант отмечает двойственность функций категорий поскольку, будучи чистыми формами мысли, они

приобретают, тем не менее, объективную реальность. Категории могут применяться к предметам, которые могут быть даны нам в наглядном представлении, однако только как явления. Этот синтез многообразия чувственного наглядного представления, возможный и необходимый *a priori*, Кант называет *фигурным* (*synthesis speciosa*) или трансцендентальным синтезом способности воображения.

Категории Кант определяет как функции суждения, поскольку многообразие данного наглядного представления определено в отношении к ним. При этом философ отмечает подчиненность многообразия наглядного представления категориям, посредством которых осуществляется приведение к единому сознанию вообще²⁰. Таким образом, благодаря категориям многообразие, содержащееся в наглядном представлении, может рассматриваться как принадлежащее *необходимому* единству самосознания²¹. У Канта понятие «объективная реальность» трактуется как «объективная значимость», исходя из «юридической трактовки» вопроса, т. е. анализа притязаний рассудка на главенствующую роль в процессе познания.

Хайдеггер иначе понимает объективную реальность, интерпретируя это понятие из сущности чистого синтеза трансцендентальной способности воображения: «Полномочие категорий должно быть определено через прояснение их существа. Как чистые представления единства, в конечном представлении они сущностным образом отнесены к чистому синтезу, а тем самым — к чистому созерцанию. Иначе говоря, решение задачи, которая формулируется исключительно как *question juries*, состоит в раскрытии сущности категорий: они суть не ноции, но чистые понятия, существенным образом связанные с чистой способностью воображения»²².

Суть вопроса об объективной реальности категорий, согласно Хайдеггеру состоит в том, может ли представленное в чистых понятиях качественно-предметное содержание (реальность) быть определенностью того, что является противостоянием, предстает конечному познанию, т. е. сущего как предмета (объекта)? Категории объективно реальны, поскольку они присущи онтологическому познанию, которое «образует», трансценденцию конечного существа, т. е. «пред-оставление» нечто. Проблема «источника и истины» категорий является вопросом о возможной выявляемости бытия сущего в сущностном единстве онтологического познания. Это задача аналитики трансценденции, т. е. чистой феноменологии субъективности субъекта, а именно — конечного субъекта.

Особенность фундаментальной онтологии Хайдеггера, по сравнению с другими метафизическими концепциями, проявляется в переориентации философского мышления с осмысления традици-

онной проблемы *бытия и мышления* на разработку проблемы *бытия и времени*. Эта особенность прослеживается при интерпретации Хайдеггером «Критики чистого разума» Канта, где поставлена задача «показать, как время через отдельные стадии обоснования метафизики все более и более выдвигается в срединный пункт и... раскрывает свое собственное существо». В интерпретации Хайдеггера время рассматривается, прежде всего, как «универсальная онтологическая функция, которая позволяет раскрыть сущность субъективности»²³.

Время как «чистый образ» является схемой-образом, который подает вид до всякого опыта. Это является основанием того, что время не может противопоставляться чистым понятиям рассудка как форма созерцания. Ссылаясь на Канта, Хайдеггер пишет: «Чистый же образ... всех предметов, чувств вообще (есть время)». Кант заимствует завершенное единство чистых понятий рассудка из таблицы суждений и в соответствии с таблицей ноций дает дефиниции схем единичных чистых понятий рассудка. По мнению Хайдеггера, в соответствии с четырьмя моментами деления категорий (количество, качество, отношение, модальность) чистый вид времени должен показать четыре возможности образования, а именно: временной ряд, временное содержание, временной порядок, временную совокупность. Однако интерпретация единичных схем начинается в «Критике чистого разума» подробным сравнительным анализом чистых схем количества, реальности и субстанции, чтобы затем становясь все более сухой, окончиться чистыми дефинициями²⁴.

Интерпретация Хайдеггером «Критики чистого разума» И. Канта выстраивается на основе модели «герменевтического круга». «Повторение» обоснования метафизики Канта — это не просто выводы из проведенного анализа текста, но, прежде всего, переход на новый уровень постановки философских проблем. Произведение Канта является по отношению к тексту Хайдеггера начальной ступенью в построении антропологии как фундаментальной онтологии. Следуя за логикой Канта, Хайдеггер отмечает, что обоснование метафизики — это аналитика процесса познания, позволяющая выделить в его составе конечное число элементов. Таким образом, основной философской проблемой является не «беспорядочное выпрашивание о человеке», а проблема конечности его существования. М. Хайдеггер пишет: «Лишь конечность и своеобразие вопроса о ней дают ключ к пониманию внутренней формы трансцендентальной «аналитики» субъективности субъекта»²⁵.

«Правильное» вхождение в герменевтический круг позволяет прояснить исходный смысл понятий, терминов, категорий, которые

считаются привычными и по этой причине ускользают от понимания. Если повседневный опыт вполне довольствуется *понятностью*, удовлетворяющей любопытство, то понимание, достигаемое через истолкование, возможно лишь при условии отказа от уверенности в очевидности обыденных представлений. Герменевтический круг объясняет уместность философского вопрошания. Хайдеггер определяет философское понимание как «захват» человека в целом самим присутствием, загнанного в основу вещей. В процессе философского понимания субъект повседневного опыта превращается в существо, охваченное желанием стать тем, что оно есть. Это желание реализуется в борьбе с непреодолимой двусмысленностью вопрошания и бытия.

Хайдеггер доказывает, что «Критика чистого разума» не является системой трансцендентальной философии, но должна рассматриваться как трактат о методе, в противовес трактовке философии Канта как «теории опыта» или теории позитивных наук. Философ ссылается на письмо Канта к одному из учеников, где он характеризует «Критику чистого разума» как метафизику метафизики²⁶. Интерпретация произведения Канта используется Хайдеггером для построения «наброска фундаментальной онтологии».

Особый тип исследования, применяемый Кантом при обосновании метафизики, Хайдеггер определяет как «аналитику» в широком смысле. Она имеет целью не механическое расчленение элементов познания на отдельные части, но, прежде всего, «разрешение» как освежающее освобождение ростка онтологии. Аналитика «раскрывает те условия, которые позволяют прорасти онтологии как целому, согласно ее внутренним возможностям». Хайдеггер характеризует аналитику как «набросок», который позволяет проникнуть в сущностное строение онтологии.

Интерпретация философского текста как «наброска» основывается на представлении об особом характере постановки вопроса о бытии. постижение бытия возможно лишь как понятийное схватывание того, что мы, как люди, всегда уже понимаем. Вопрос о бытии как вопрос о возможности дополнительного разумения бытия возникает из допонятийного разумения бытия²⁷. Это фундаментальное основание метафизики Хайдеггер называет экзистенцией, т. е. начальным уровнем разумения бытия, который характеризуется состоянием «естественно понимаемого»²⁸.

В качестве альтернативы категориям как основным понятиям метафизики Хайдеггер предлагает экзистенциалы и экзистенциальные понятия, в которых бытие как бы уже само сказалось. Понятие экзистенциала обозначает конститутивные моменты при-

сутствия. Озабоченный в «Бытии и времени» в большей мере самим экзистенциальным анализом, Хайдеггер меньше внимания уделяет экспликации и экспозиции своего метода, оставляя, в частности, не проясненным вопрос о методологическом статусе экзистенциалов и экзистенциальных понятий как базовых единиц аналитики²⁹. Экзистенциалы — не понятия в том смысле, что они есть живые бытийные черты присутствия, иначе — отличительные способности быть, своего рода кристаллизация этих бытийных способностей, и в этом их фундаментальное отличие от категорий как «родов сказывания». Значение экзистенциалов и экзистенциальных понятий состоит в том, что они предназначены для аналитики онтологической структуры, которая является экзистенциальной почвой понятий вообще, в том числе и категорий как основопонятий метафизики. Таким образом, несмотря на справедливые сомнения философов, которые занимаются разработкой методологии неклассической рациональности, в возможностях мышления при помощи категорий, их деятельность приводит к разработке более высокого уровня рефлексии философского языка, а не к отказу от применения традиционных категорий.

Философские категории, пишет Хайдеггер, совсем не то, что можно было бы выучить, повторить за учителем или человеком, именующим себя философом, и применять на практике. Философские категории фиксируют предельные смыслы, они являются вбирающими понятиями, охватывающими целое. Философские понятия не обобщения, не формулы всеобщих свойств некоторой предметной области, но понятия особенного рода. Любое понятие основывается на представлении, то есть на фиксировании общего в вещах. Понятие — это некоего рода определяющее представление. Особенность философских категорий в том, что они основываются не на репрезентации, а на вопрошании, причем сами спрашивающие оказываются поставленными под вопрос³⁰. Система философских категорий является открытой, поскольку взаимосвязь между категориями осуществляется при помощи вопрошания, а сомнение — сущностная характеристика философского мышления. Сомнение может относиться не только к содержанию философских знаний, но и к структурным элементам философского языка.

¹ См.: Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М., 1997. С. 2.

² Там же. С. 117.

³ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. С. 249.

- ⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 83.
- ⁵ Там же. С. 85.
- ⁶ Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 112.
- ⁷ См.: Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия второй половины 18 — начала 19 века. М., 1989. С. 40—41.
- ⁸ См.: Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. С. 32
- ⁹ См.: Там же. С. 36.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 31.
- ¹¹ Кант И. Критика чистого разума. С. 112.
- ¹² См.: Там же. С. 113.
- ¹³ См.: Там же. С. 114.
- ¹⁴ См.: Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. С. 32.
- ¹⁵ Там же. С. 35
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ Там же. С. 40
- ¹⁸ Там же. С. 41.
- ¹⁹ Там же. С. 43.
- ²⁰ Там же. С. 111.
- ²¹ Там же. С. 112.
- ²² Там же. С. 48—49.
- ²³ Там же. С. 28—29.
- ²⁴ См.: Там же. С. 59.
- ²⁵ См.: Там же. С. 127.
- ²⁶ Там же. С. 133—134.
- ²⁷ См.: Мамардашвили М. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 131.
- ²⁸ См.: Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. С. 132.
- ²⁹ См.: Разинов Ю. А. От категорий к экзистенциалам: к проблеме экспликации форм неклассической рациональности в онтологии М. Хайдеггера // Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. С. 268.
- ³⁰ См.: Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. С. 333.

В. О. Лобовиков
г. Екатеринбург

МЕТАФИЗИКА КАК НАУКА В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Можно ли сказать, что И. Кант писал в «Прологоменах» [1] о будущем превращении метафизики в науку и об условиях, которые должны быть для этого выполнены? Ответ на этот вопрос зависит от определения значения слова «наука». При широком значении этого слова история, математика и философия суть науки, ибо наука понимается как некая интеллектуальная система. В этом значении термина вполне допустимо, что (если не сейчас, то в будущем) метафизика может быть (стать) наукой. Проблемы тут